

Revista Moldovenească de Drept Internațional și Relații Internaționale /
Moldavian Journal of International Law and International Relations /
Молдавский журнал международного права и международных отношений

2025, Issue 2, Volume 20, Pages 95-103.

ISSN 1857-1999 EISSN 2345-1963

Submitted: 15.04.2025 | Reviewed: 12.05.2025 | Accepted: 20.05.2025 | Published: 01.07.2025

<https://doi.org/10.61753/1857-1999/2345-1963/2025.20-2.08>

**TRIBUNA DISCUȚIONALĂ
THE TRIBUNE OF DISCUSSION
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**

**"ЗАМОРОЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ" И ПРОБЛЕМА
ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА**

**"FROZEN CONFLICTS" AND THE PROBLEM OF
EUROPEAN SECURITY IN THE CONTEXT OF THE
THEORY OF POLITICAL REALISM**

**"CONFLICTELE ÎNGHEȚATE" ȘI PROBLEMA SECURITĂȚII EUROPENE ÎN
CONTEXTUL TEORIEI REALISMULUI POLITIC**

DIRUN Anatolie / DIRUN Anatoly / ДИРУН Анатолий*

ABSTRACT:

**"FROZEN CONFLICTS" AND THE PROBLEM OF EUROPEAN SECURITY IN THE
CONTEXT OF THE THEORY OF POLITICAL REALISM**

The article examines the problem of studying "frozen conflicts" in the context of the theory of political realism. Using the example of using the balance of power theory in the field of forming European security, it is proposed to expand and structure the research tools for analyzing "frozen conflicts".

The practical application of the theory is shown on the example of the Transnistrian conflict, which allows for a better understanding of the mechanisms that ensure the preservation of peace in the region and also to use the experience of the Transnistrian settlement in resolving the Ukrainian crisis.

Keywords: frozen conflicts, political realism, balance of power, threat theory, transnistrian conflict

JEL Classification: F51, F52.

Universal Decimal Classification: 341.24, 327.56, 327.39

<https://doi.org/10.61753/1857-1999/2345-1963/2025.20-2.08>

РЕЗЮМЕ:

**«ЗАМОРОЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ» И ПРОБЛЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА**

* **DIRUN Anatolie** - doctor în științe politice, studii postdoctorale, Universitatea de Stat din Moldova. (Chișinău, Republica Moldova)./ **DIRUN Anatoly** - PhD in Political Science, Postdoctoral Studies, State University of Moldova. (Chisinau, Republic of Moldova)./ **ДИРУН Анатолий** - Кандидат политических наук, Постдокторанд, Молдавский государственный университет. (Кишинев, Республика Молдова). <https://orcid.org/0000-0002-7129-7433> ; E-mail: anatoliidirun16@gmail.com, (+373) 69324441

В статье рассматривается проблема изучения «замороженных конфликтов» в контексте теории политического реализма. На примере использования теории баланса сил в сфере формирования европейской безопасности предлагается расширить и структурировать исследовательский инструментарий для анализа «замороженных конфликтов».

На примере приднестровского конфликта показано практическое применение теории, что позволяет лучше понять механизмы, обеспечивающие сохранение мира в регионе, а также использовать опыт приднестровского урегулирования при разрешении украинского кризиса.

Ключевые слова: замороженные конфликты, политический реализм, баланс сил, теория угроз, приднестровский конфликт

JEL Classification: F51, F52.

УДК: 341.24, 327.56, 327.39

<https://doi.org/10.61753/1857-1999/2345-1963/2025.20-2.08>

REZUMAT:

"CONFLICTELE ÎNGHEȚATE" ȘI PROBLEMA SECURITĂȚII EUROPENE ÎN CONTEXTUL TEORIEI REALISMULUI POLITIC

Articolul examinează problema studierii „conflictelor înghețate” în contextul teoriei realismului politic. Folosind exemplul de utilizare a teoriei echilibrului de putere în domeniul formării securității europene, se propune extinderea și structurarea instrumentelor de cercetare pentru analiza „conflictelor înghețate”.

Exemplul conflictului transnistrean arată aplicarea practică a teoriei, care permite o mai bună înțelegere a mecanismelor care asigură menținerea păcii în regiune, precum și utilizarea experienței reglementării transnistrene în soluționarea crizei ucrainene.

Cuvinte cheie: conflicte înghețate, realism politic, echilibru de putere, teoria amenințării, conflict transnistrean

JEL Classification: F51, F52.

CZU: 341.24, 327.56, 327.39

<https://doi.org/10.61753/1857-1999/2345-1963/2025.20-2.08>

Введение:

Образования непризнанных государств на территории пост советских республик, как правило, изучалось в контексте анализа этнополитических конфликтов. Более чем 20 летний период существования де-факто образований, несомненно, оказало свое влияние на развитие других государств, а также на международные отношения и институты.

Отсутствие общего видения европейской модели безопасности между Россией и Западом в рамках которой могли быть урегулированы такие конфликты, обусловил их фактическую разморозку. Динамика конфликта в Нагорном Карабахе, вооруженное противостояние на территории Украины определенное позволяет сказать, что проблемы непризнанных государств это не «места которые не существуют»¹, а точки столкновения политических интересов различных государств.

В этой связи представляет интерес рассмотрение динамики и перспективы урегулирования конфликтов как части проблемы европейской безопасности с точки зрения теории политического реализма. Теория международных отношений наглядно демонстрирует невозможность достижения полной безопасности как для субъектов европейской, так и мировой политики. В то же время серьезный кризис европейской

¹ Para-States, Quasi-States, and Black Spots: Perhaps Not States, But Not «Ungoverned Territories,» Either / Ed. by B.H. Stanislawski // International Studies Review. June 2008. Vol. 10, N 2. P. 366–396; Holidays in the Danger Zone: Places That Don't Exist (фильм BBC 4, 2005, 5 частей: Сомалиленд, Приднестровье, Тайвань, Южная Осетия и Абхазия, Нагорный Карабах); Waters C. Law in Places That Don't Exist // Denver Journal of International Law and Policy. 2006. Vol. 34. P. 401–423.

безопасности заставляет ученых находить положительные примеры «точек соприкосновения» интересов глобальных акторов и на их основе пытаться выстроить технологии для де эскалации ситуации в других конфликтных зонах.

В этой связи, опыт Приднестровского конфликта представляет практический интерес как с точки зрения анализа пост военной системы коммуникации между Молдовой и Приднестровьем¹, так и отношений между Россией и Западом в контексте урегулирования конфликта. 30 летний мирный период пост военных отношений, позволяет сделать вывод. Такой результат стал возможен из-за формирования баланса сил, как между участниками конфликта, так и внешними акторами.

Понимание природы возникновения такого «политического равновесия» возможно через призму исследования реалистичного подхода проблемы безопасности в теории международных отношений. Это обстоятельство требует в свою очередь более внимательного подхода к исследованию теоритического знания о безопасности в международных отношениях.

Европейская безопасность и теория политического реализма

В 1950 году, американский исследователь Дж. Херц сформулировал дилемму безопасности, которая стала серьезным достижением в теории международных отношений². В частности, он писал, что в анархической среде международных отношений безопасность для одного государства - это источник опасения для другого. Государство, которое наращивает свои вооружения, даже для собственной обороны, воспринимается другими как угроза, требующая ответа. В свою очередь, этот ответ вызывает беспокойство первого государства и т.д. В своей работе «Обречены воевать. Могут ли Америка и Китай избежать ловушки Фукидида?», американский политолог Г. Аллисон, использовал понятие ловушки Фукидида, которое древнегреческий историк Фукидид использовал для объяснения Пелопонесской войны (V в. До н.э.) между Афинами и Спартой³. В частности, когда возвышение Афин и страх, который это возвышение и внушало Спарте, сделали войну неизбежной. Другими словами, ловушка Фукидаида означает неизбежность столкновения в борьбе за лидерство между претендентами за статус гегемона и лидера.

Характерно, что работа Г. Алиссонна вышла в 2017 году, т.е. к тому моменту, когда мировая двух полярная система сдержек и противовесов была уже разрушена 30 лет, т.е. после распада Советского государства в 1991 году. Но именно с этой дилеммой безопасности тесно взаимосвязана теория и практика выстраивания политического равновесия (баланса сил), как одного из основных средств регулирования международных отношений. Впервые идея баланса сил была сформулирована учеными в XVIII веке, и реализована на практике по итогам Венского конгресса в 1814 году. Сохранение мира в Европе практически в течении столетия, закрепил за «балансом сил» репутацию целенаправленной нормы, способной удерживать порядок «европейского концерта». В то же время как любая система, имеющая свои ограничения по стабильности, концепция «баланса сил» оказалась не способна заморозить динамическое развитие государств, в результате которого одни страны приходят в упадок, а другие пытаются занять более высокое место в международной системе.

По итогам двух мировых войн, система «баланса сил», в основе которой ранее находились договоренности между европейскими державами, перестала быть исключительно европейским инструментом для обеспечения мирового порядка.

¹ Dirun, A. (2021), Political communications in a “protracted” conflict: Case of Pridnestrovie, Конфликтне зоне на постсовјетском простору и регионална безбедност, pp. 183 – 201. https://doi.org/10.18485/iipe_postsovjet.2021

² Herz J. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. 1950. Vol. 2. No. 2. P. 171-201.

³ Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/5d695b5a-ead3-11e1-984b-00144feab49a>

Формирование двухполюсной политической системы между СССР и США стало новым этапом противостояния, обеспечивавшей стабильность в мировом порядке сил. Фактически, баланс и противоборство США и СССР сформулировал запрос на теоретическое осмысление и обеспечение «стабильного противостояния». Характерно, что в этот период, а именно в 1948 году выходит книга американского политолога Ганса Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир»¹, которая заложила основы теории политического реализма. Не отрицая важности создания гармоничного, мирного международного порядка, Моргентау писал, что «международные отношения далеки от идеальных, а международная политика может быть определена как «непрерывное усилие, направленное на сохранение и увеличение мощи своей собственной нации и ослабления мощи других наций». Под политическим реализмом Г. Моргентау понимал такую политическую доктрину, которая основана на учете противоречивых сторон человеческой природы и признании ограниченных возможностей для построения справедливого и нравственного политического порядка. В этой связи Моргентау считал, что одной из главных движущих сил в сфере международных отношений являются национальные интересы, а сама сфера характеризуется «плюрализмом суверенитетов». При этом регулятором национальных интересов выступает сила и баланс сил.

В 1982 году, анализируя результаты отчётов ЦРУ о состоянии положения дел в Советском Союзе, сенатор У. Проксмайр заявил, что «хотя существует разрыв между результатами развития советской экономики и планами, даже в качестве отдельной возможности крах советской экономики не рассматривается»². Это заявление характерно тем, что демонстрирует, что США как минимум в начале 80-х годов XX века не рассматривало перспективы распада своего геополитического противника и готовились к дальнейшему противостоянию. С точки зрения теории баланса это означало, что противоборство является одной из составных частей поддержания баланса силы между державами. При этом сторонники реализма в международных отношениях считают аксиомой, что величие державы или их коалиции не могут доминировать вечно. На определенном этапе они разрушаются или приходят в относительный упадок под давлением внешних и внутренних обстоятельств.

Анализ внешних обстоятельств, стал основой для разработки теории баланса угроз С. Уолта в 1989 году, гармонично дополнив базовую теорию баланса³. Согласно новой теории, одно государство будет угрожать другому в случае его географической близости, его наступательной способности и агрессивности его намерений. При этом значение имеют не столько декларации, и даже не реальные намерения государства, сколько восприятие таких действий в качестве реальной угрозы.

Падение Берлинской стены в 1989 году и распад Советского Союза в 1991 году создали иллюзию «конца истории», в которой торжество либеральных идей отодвинуло на второй план сторонников реализма в анализе проблем международной безопасности. Попытки осмыслить новую политическую реальность на теоретическом уровне нашли свое выражение в теории безопасности человека, включающей два основных тезиса. Первый — максимальное расширение области применения понятия безопасности. Второй — вытеснение института государства из сферы безопасности как основного актора международных отношений, препятствующее формированию нового, универсального сообщества безопасности⁴. Несомненно, ряд аспектов теории

¹ Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.

² Rowen H. Central Intelligence Briefing on the Soviet Economy / Hoffman E., Laird R. The Soviet Policy in the Modern Era. New York: Aldine Publishing, 1984. P. 417.

³ Walt S. The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987.

⁴ Wæver O. Securitization and Desecuritization // On Security / Ed. R. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 56-57.

безопасности человека представляют интерес для понимания динамики политических конфликтов. Однако попытка вывести государство из системы международных отношений делает эту теорию слабофункциональной в практическом измерении и в анализе международной обстановки.

Впервые после распада СССР новое руководство России заявило в 2008 году об угрозе расширения НАТО на постсоветском пространстве для национальной безопасности российского государства. Боевые действия на территории Донбасса и крымский вопрос запустили с 2014 года новый долгосрочный процесс переформатирования основ европейской безопасности. «Туман войны» в плане достижения военных результатов, как для Москвы, так и для Запада отражается в неопределенности параметров разрешения конфликта в целом. Даже такой сторонник реализма, как бывший госсекретарь США Генри Киссинджер в 2014 году предлагал предоставить Украине нейтральный статус «как моста между Россией и Европой»¹. Но в мае 2023 года он говорит уже о необходимости принятия Украины в НАТО. Поскольку «при любом варианте мирного соглашения Россия сохранит Севастополь, который является крупнейшим крымским городом и базой для Черноморского флота. Такой исход, при котором Москва теряет одни позиции, но сохраняет другие, может оставить обе стороны недовольными, что станет фактором нового противостояния»².

В то же время автор концепции «наступательного реализма», американский политолог, профессор Джон Миршаймер считает, что «практически все западные политики понимают, что Украина обречена», но мало кто из них готов говорить об этом публично³. Предстоящее замораживание боевых действий на Украине в 2025 году делает актуальным анализ военно-политических подходов к урегулированию затяжных конфликтов, прежде всего на пост советском пространстве. Так как ситуация по разрешению украинского вопроса по своим базовым параметрам схожа с подходами в урегулировании такого рода конфликтов. Например, подписание Соглашения о прекращении огня в Приднестровском регионе Республики Молдова в июне 1992 года, привело к установлению мира на берегах Днестра. Однако на протяжении следующих 30 лет конфликтующим сторонам и международным посредникам пока не удалось политическими средствами достичь разрешения конфликта. Этот пример свидетельствует, что процесс политического урегулирования между Москвой и Киевом также займет длительный период.

Замороженные (затяжные) конфликты и политический реализм

Одним результатов распада СССР и нарушения «баланса интересов» сторон, стало возникновение вооруженных конфликтов в бывших советских республиках Молдове, Грузии и Азербайджане. Относительно непродолжительный период военной фазы конфликтов в этих республиках удалось купировать и перевести в военно-политический процесс урегулирования. На практике это означало, что по внутренней динамике конфликт в Молдове был, по сути, заморожен, а в Азербайджане и Грузии они имели характер «низкой боевой интенсивности».

В середине 90 годов, у России не было сил, как и собственно модели для самостоятельного разрешения этих конфликтов. Справедливо также будет подчеркнуть, что Москва использовала конфликты как инструмент для сохранения своего влияния в этих республиках. В свою очередь, США не рассматривали замороженные конфликты как непосредственную угрозу для своей национальной безопасности. Более того, попытка выстроить стратегический диалог между Россией и Европейским союзом, и в первую очередь, между Москвой и Берлином в начале

¹ Managing by Force: The Architect of the New World Order Speaks / Henry Kissinger; [translated from English by O. V. Zakharova, V. V. Lvov]. – Moscow: Rodina, 2002. – 177 p.

² Kissinger called for Ukraine to join NATO to contain it <https://www.rbc.ru/politics/18/05/2023/646549549a79479de7868939>

³ Prof. John Mearsheimer: Ukraine is "DOOMED" <https://www.youtube.com/watch?v=JScvC2ILQOY>

2000 годов создавало предпосылки для выработки общих подходов к урегулированию «затяжных конфликтов».

Затяжной характер конфликтов в полной мере отражал с одной стороны, противоречивость и незавершенность постсоветского периода как транзитной формы отношений России с другими бывшими союзными республиками¹. С другой стороны, включение различных международных акторов в процесс урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве создавало проблему разного понимания структуры безопасности в Европе. Данное противоречие хорошо было проиллюстрировано в начале 2000 годов Барри Бузаном и Оле Вэйвером в теории региональных комплексов безопасности. Исследователи в своей теории объединили подходы неореализма и конструктивизма для объяснения современной структуры безопасности².

По мнению ученых, представление об угрозах и безопасности формируется в рамках определённых кластеров на региональной основе, так называемых комплексах безопасности. Исследователи считают, что региональные комплексы безопасности являются ключевыми компонентами международной системы безопасности. Критическое значение в теории региональных комплексов безопасности имеет тот факт, что принадлежность к одному региону исключает возможность нахождения в другом. В то же время они могут быть взаимозависимы или независимы друг от друга.

Барри Бузану и Оле Вэйверу, считали, что в Европе сложились два самостоятельных комплекса безопасности: европейский под руководством ЕС и постсоветский, под началом России. Конкуренция между этими двумя подходами обуславливалась, прежде всего, борьбой за влияние на страны бывшего советского государства, которые сохранили традиционные связи с Москвой, но в качестве стратегической цели выбрали евро интеграционный курс. Несложно увидеть, что затяжные конфликты с точки зрения теории РКБ, представляют собой места конкуренции между Россией и ЕС. Таким образом, вопрос открытого военного столкновения между этими региональными моделями было делом времени. В 2008 году в результате боевых действий Грузии против Южной Осетии, Россия официально признает независимость Абхазии и Южной Осетии, устанавливает с ними дипломатические отношения и предоставляет военную гарантию их суверенитета.

Политический кризис на Украине в 2013 году привел к смещению президента Украины Виктора Януковича, выступавшего за нейтралитет страны, и спровоцировал масштабную эскалацию между Востоком и Западом. Борьба за новые правила игры, основанные на силе и угрозах, привела ко второй Карабахской четырехдневной войне в 2016 году. Последовавшие боевые действия в августе 2022 и сентябре 2023 года, привели к военной победе Азербайджана при поддержке Турции, в результате которой глава Нагорного Карабаха Самвел Шахрамьян 28 сентября 2023 года подписал указ о прекращении существования Нагорно-Карабахской Республики с 1 января 2024 года. Таким образом, Карабахский кейс окончательно вернул в повестку дня военные методы урегулирования замороженных конфликтов и продемонстрировал их эффективность.

Боевые действия на территории Украины стали кульминацией столкновения между европейским и постсоветским комплексами безопасности. С учетом того, что ни у одной стороны конфликта нет ресурсов для военной победы с точки зрения достижения капитуляции противника, то теория РКБ может быть трансформирована уже на локальном уровне. Когда одни регионы Украины будут составной частью пост советской региональной системы, а другие европейской системы безопасности.

¹ 4. МАРКЕДОНОВ, С. Региональные конфликты: перезагрузка // Россия в глобальной политике. 2008. №5. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11631

² Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge, Cambridge University Press, 2003. 570 p.

Как показывает опыт, отсутствие баланса между этими частями повышает шансы продолжения боевых действий уже после достижения перемирия. В то же время возникает вопрос, возможно ли достижение такого баланса сил, при котором урегулирование можно будет перевести в мирное политико-дипломатическое русло и не использовать военную силу как основной фактор?

На этом фоне положительным примером является процесс урегулирования Приднестровского конфликта, в котором уже на протяжении более 30 лет сохраняется мир. Опыт Республики Молдовы по сохранению мира и продолжения диалога с Приднестровьем, особенно интересен в условиях боевых действий в Украине, когда у Кишинева появилась реальная возможность силовым методом при поддержке ВСУ решить приднестровский вопрос. Однако как показывает практика, этого не произошло и с высокой долей вероятности можно сказать, что военным путем этот конфликт не будет решаться. Дело здесь не только в настрое молдавских политиков, но и той системе баланса сил, которая обеспечивает мир в регионе.

Приднестровский конфликт как модель баланса сил

Анализ внутренней динамики и внешних подходов к урегулированию приднестровского конфликта с 1990 года позволяет сделать вывод о том, что сохранение мира после войны 1992 года стало возможным в результате формирования баланса сил, как между сторонами конфликта, так и международными акторами, вовлеченными в его разрешение. На наш взгляд, в структуре молдавско-приднестровского баланса сил можно выделить три основных фактора:

Во-первых, фактор военной силы.

Неудачная для Национальной армии Молдовы операция по восстановлению конституционного порядка в Бендерах в июне 1992 года свело на нет перспективы военного решения конфликта со стороны Кишинева. Равный боевой потенциал Молдовы и Приднестровья обеспечивает сдерживание сторон от применения вооруженной силы¹. При этом центральным элементом поддержания мира между конфликтующими сторонами является осуществление Россией миротворческой операции. При этом в состав миротворческих сил входят молдавские и приднестровские военные подразделения.

Фактор экономической взаимозависимости

Несмотря на формирование отдельных моделей экономического развития у каждой из сторон конфликта, между Тирасполем и Кишиневом сохраняется критическая взаимозависимость, прежде всего в сфере энергетики. Так, до 1 января 2025 года Молдавская ГРЭС, расположенная на левом берегу Днестра, обеспечивала 70% поставок электроэнергии в Молдову. Заменить эти мощности из Румынии или Украины Молдова не стремилась так как дешевая электроэнергия с левого берега была также серьезным политическим фактором стабильности и роста экономики. В 2024 году Молдова закупала электроэнергию у Приднестровья по цене 66 евро за киловатт, тогда как в Румынии эта цена достигала 188 евро. В свою очередь, такая низкая цена стала возможной благодаря поставкам в регион российского газа, что является одним из политических инструментов поддержки Приднестровья со стороны России. Прекращение транзита российского газа через Украину с 1 января 2025 года стало для Приднестровья серьезнейшим вызовом с момента создания республики в 1990 году. Несмотря на контроль поставок природного газа со стороны Молдовы в приднестровский регион, газовый рычаг не сыграл роль для ускоренной реинтеграции Тирасполя в молдавское правовое поле. Более того, ряд экспертов считает, что Молдова вернется к закупкам электроэнергии у Молдавской ГРЭС с целью снижения цены для собственных потребителей².

¹ Kozlov A., Chernobrov V. Unconquered Transnistria. Lessons of military conflict. - m.: Veche, 2015, 68.

² Парликов не исключил закупки у МГРЭС: Скажут — идти некуда. <https://point.md/ru/novosti/ekonomika/parlikov-ne-iskliuchil-zakupki-u-mgres-skazhut-idti-nekuda/>
RMDIRI, 2025, Nr. 2 (Vol. 20) <https://rmdiri.md/> ; <https://www.usem.md/md/p/rmdiri>

Фактор международного политического баланса

На сегодняшний день официальным форматом переговоров по решению приднестровской проблемы является формула 5+2. Она включает Республику Молдова и Приднестровье как стороны конфликта, ОБСЕ, Россию и Украину как гарантов переговорного процесса, а также США и ЕС как наблюдателей. С началом боевых действий на Украине в феврале 2022 года этот формат перестал быть функциональным. Но при этом он сохраняет свой статус международной площадки, поскольку официально его никто не отменял и не предлагал нового механизма участия. С точки зрения баланса сил больший интерес представляет не номинальное, а фактическое влияние внешних игроков на процесс принятия решений сторонами конфликта.

С нашей точки зрения, Россия имеет 100% влияния на Приднестровский регион и не менее 40% влияния на территории Молдовы. Прежде всего, речь идет о Гагаузской автономии, северных регионах Молдовы, центром которой является город Бельцы. В свою очередь, США и ЕС, включая Румынию, Польшу, Германию, на 100% доминируют в политической системе Республики Молдова, но не имеют политического влияния на Приднестровье. В то же время, с экономической точки зрения, ЕС и США контролируют 100% экономической повестки Республики Молдова и на 40% влияют на экономическую политику Приднестровья. Россия также сохраняет 60% экономического влияния в регионе, в первую очередь из-за критической важности поставок российского газа в Приднестровье.

Стоит также отметить, что такое распределение влияния не является чем-то статичным. Внешние акторы, как и стороны конфликта, активно используют военно-дипломатические и экономические рычаги в целях усиления своего влияния. С 1992 по 2003 год Москва имела ключевое политическое и экономическое влияние, как на Тирасполь, так и на Кишинев. Этот период завершился в 2003 году после провала подписания Меморандума Козака, который предусматривал создание ассиметричной федерации. С 2004 года присутствие ЕС в молдавской политике стало одним из ключевых факторов. В свою очередь, военные действия на Украине, а также прекращение транзита российского газа через украинскую территорию существенно влияют на экономические возможности Приднестровья.

Заключение

Сохранение постоянного противостояния России и Запада в вопросе продвижения своей модели урегулирования приднестровского конфликта сформировало за эти годы баланс сил, позволяющий сохранять мир в регионе, а также поддерживать контакты даже в условиях жесткого противостояния между сторонами. Уникальным также является опыт постоянного за эти годы прямого контакта между конфликтующими сторонами: Молдовой и Приднестровьем. В качестве примера можно привести деятельность Объединённой Контрольной Комиссии, руководящей миротворческой операцией в регионе. В работе комиссии, наряду с молдавскими и приднестровскими участниками, заседают российские и украинские представители.

Отсутствие политического решения приднестровского вопроса полностью компенсируется, на наш взгляд, сохранением мира в регионе и политической конкуренцией проектов по решению этой проблемы¹. Особенно это важно в текущих условиях боевых действий в Украине. Мирный опыт Молдовы в выстраивании пост военных отношений в условиях политически неразрешенного приднестровского конфликта, может быть во многом полезен в вопросе урегулирования украинского кризиса. Тем более, что быстрого политического решения этой проблемы в Украине ожидать не приходится.

¹ DIRUN, A. «Operations of influence» in the settlement Moldovan-Transnistrian conflict, Annual Laboratorului Pentru Analiza Conflictului Transnistrian, Univerwsitatea "Lucian Blaga" din Sibiu (Sibiu), Vol: 3 №: 1. 2019. p. 37-42.

Литература:

1. Herz J. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics. 1950. Vol. 2. No. 2
2. Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition, Alfred A. Knopf: New York, 1955.
3. Rowen H. Central Intelligence Briefing on the Soviet Economy / Hoffman E., Laird R. The Soviet Policy in the Modern Era. New York: Aldine Publishing, 1984.
4. Walt S. The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press, 1987.
5. Wæver O. Securitization and Desecuritization // On Security / Ed. R. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995.
6. Managing by Force: The Architect of the New World Order Speaks / Henry Kissinger; [translated from English by O. V. Zakharova, V. V. Lvov]. – Moscow: Rodina, 2002.
7. Kozlov A., Chernobrov V. Unconquered Transnistria. Lessons of military conflict. - m.: Veche, 2015.
8. Burian, A. Moldovan Statehood: geopolitical perspective and prospects. In: Revista moldovenească de drept internațional și relații internaționale. 2008, Nr. 2, p.37-50. ISSN: 1857-1999. [on-line]: <https://rmdiri.md/assets/archive/2008-2.pdf> (Visit 15.04.2025)
9. HILL, W. Hill. Russia, the near abroad, and the West: lesson from the Moldova-Transdnistria conflict, Woodrow Wilson Center Press Washington, DC, 2012. 261 p.

Copyright©DIRUN Anatoly, 2025.

Contacts/Contacte/ Контакты:

DIRUN Anatoly.

PhD in Political Science, Postdoctoral Studies,
State University of Moldova.
Chisinau, Republic of Moldova).

<https://orcid.org/0000-0002-7129-7433> ;

E-mail: anatoliidirun16@gmail.com

<https://doi.org/10.61753/1857-1999/2345-1963/2025.20-2.08>

(+373) 69324441